

М. Ф. ШУМЕЙКО (Мінск)
ПЕРЕПИСКА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК
И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ СОХРАНЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Объектом исследования настоящей статьи является исключительно личная переписка; в ней не рассматриваются служебные письма, представляющие в рамках существующих классификаций исторических источников один из видов делопроизводственной документации. Хотя, сразу же оговоримся, иногда бывает достаточно сложным отнести то или иное письмо к категории «служебных» или «личных». И здесь порой бессильными оказываются наличие (или, наоборот, отсутствие) необходимых реквизитов на интересующем исследователя документе, анализ внутреннего его содержания, места хранения и т. д.¹

Как явствует из названия статьи, в ней предполагается затронуть по крайней мере три, тесно связанных между собой аспекта, а именно: архивоведческий, источниковедческий и археографический. По известным причинам тщетным было бы искать личную переписку в архивных фондах государственных учреждений или общественных организаций; основное место ее хранения — личные архивные фонды, архивные коллекции, ранее создававшиеся и ныне создающиеся в государственных архивах, рукописных отделах библиотек и музеев, а также личные архивы граждан, порой и не догадывающихся, что таковые у них имеются².

Именно эти архивные собрания личного происхождения и являются объектом пристального внимания посетителей читальных залов институтов социальной памяти, занимающихся либо исследовательской, либо археографической или текстологической деятельностью, связанной с введением в научный оборот таких важных в научном (и не только научном) отношении исторических источников, какими являются личные письма. Заметим, что в последние полтора десятилетия благодаря прежде всего работникам архивных учреждений нашей страны сделано очень многое в деле расширения географии архивных собраний личного происхождения: если в 1960—80-е гг. в Беларуси был едва ли не единственный центральный архив, сохранявший фонды личного происхождения, то сегодня все белорусские архивы (от национальных до зональных) активно комплектуются подобными фондами и коллекциями³. Есть надежда, что нам удастся если не догнать, то хотя бы приблизиться в этом направлении к российским, украинским историкам и архивистам, давно и плодотворно занимающимся не только комплектованием своих архивов фондами личного происхождения, но и много сделавшим в части их научного описания⁴.

Причины достаточно индифферентного отношения к источникам личного происхождения, на наш взгляд, очевидны и во многом обусловлены тотальным огосударствлением исторической памяти, заложенным известными декретами 1918—1919 гг. «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР», «О хранении и уничтожении архивных дел», «О губернских архивных фондах», «Об отмене частной собственности на архивы умерших русских писателей, композиторов и ученых, хранящиеся в библиотеках и музеях». На известную амбивалентность этих документов, с одной стороны способствовавших приостановлению потока революционного разрушительства, а с другой — создававших базу для силовой национализации архивных богатств, находившихся в частных владениях, мы уже обращали внимание⁵. Заметим лишь, что данная ситуация была характерной не только для первых лет советского архивного строительства. Она имела место и в последующий период. В этом нетрудно убедиться, сославшись хотя бы на остающуюся до сих пор нереализованной попытку участников юбилейной конференции историков-архивистов СССР (Москва, 1—3 июня 1943 г.) создать Архив Великой Отечественной войны (по существу — Архив повседневности войны), в котором могли бы сохраняться неофициальные свидетельства ее участников и очевидцев (воспоминания, письма, дневники и другие личные документы)⁶.

Встроенные в систему тоталитарного государства советские архивоведение и архивное дело совершенно игнорировали правовые аспекты архивного строительства и функционирования архивов,

рассматривая последние исключительно как государственные институты, призванные обслуживать информацией исключительно органы власти и управления.

В современных условиях становления правового гражданского общества проблема собирания и использования документов личного происхождения особенно актуализировалась. На это обстоятельство обращали внимание участники проходившей в Москве в апреле 1994 г. научно-практической конференции «Личные фонды и коллекции документов как источник сохранения национальной памяти России». Красной нитью через многие выступления прошла мысль о том, что архивисты должны адекватно реагировать на новые потребности общества в получении информации, в том числе ретроспективной, но в рамках положений и ограничений, накладываемых действующим законодательством. И здесь отмечалась важность изучения зарубежного опыта, прежде всего, законодательства о правах на конфиденциальность информации о личности и авторских правах; этических вопросов использования частной информации, хранящейся в архивах и профессии архивиста как «доверенного хранителя» и т. п.⁷ К данной проблеме, носящей морально-юридический характер, мы еще будем обращаться в настоящей статье.

Перейдем далее к источниковедческому и археографическому аспектам, заявленным в названии настоящей статьи, привлекая для этого не только находящиеся на архивном хранении фонды личного происхождения и археографические публикации, но и не ставшие пока достоянием государственных архивов и других институтов общественной памяти личные архивы, которые в числе прочего и не являвшиеся еще объектом публикации личные письма.

Подготавливая настоящую статью и пересматривая личный архив, мы обратили внимание на присутствующие в нем копии писем бывших народовольцев, журналистов, историков, общественных деятелей России, Беларуси, Украины конца XIX — начала XX в., хранившиеся в конце 1970-х — 1980-е гг. в ЦГАОР СССР (ныне ГАРФ), ЦГАЛИ СССР (ныне РГАЛИ), Институте русской литературы (Пушкинском доме), ЦГИА Украины в Киеве, Государственном литературном музее и других архивно-музейных учреждениях. При этом не могли не отметить в очередной раз, какой это богатейший источник не только по истории общественной мысли, но и по истории журналистики, археографии, архивоведения, исторической психологии и т. п.! В письмах проявляется не только личность, но и письма проявляют личность. (Здесь можно провести аналогию со все более заявляющими о себе в современной историографии, хотя и неоднозначно оцениваемыми опытами применения деконструктивистских подходов к произведениям самих историков («лингвистический подход в историографии»)⁸. Содержание писем зачастую указывает не только на уровень информированности авторов и характер их взаимоотношений с адресатами, но и многое может сказать об интеллектуальных способностях пишущих. Порой сама форма обращения в письме становится своеобразным «ключом» к пониманию характера отношений между автором и адресатом и настраивает исследователя на соответствующее восприятие заключенной в эпистолярной информации. Так, в отличие от сдержанно-официального «милостивый государь», не предполагающего последующих в письме откровений, формулы «мой дорогой друг», «глубокоуважаемый (имярек)» и т. п. обнадеживают исследователя встречей с заслуживающей доверия информацией. То же самое можно сказать и применительно к формуле подписи в конце письма: «готовый к услугам...», «примите уверения в моем почтении» или «с наилучшими дружескими пожеланиями», «остаюсь неизменно преданный Вам...» и т. п.⁹

Ныне почти утраченный эпистолярный жанр в прошлом был для многих людей единственным средством коммуникаций, заменявшим им телефон, справедливо названный В. Б. Шкловским «убийцей эпистолярного жанра», а тем более осуществляющие одностороннюю связь радио, телевидение. Современные средства коммуникации и особенно электронная почта, прича-

ющая кратко и стереотипно излагать суть вопроса, никогда не заменят традиционные письма, порой выходявшие за рамки «автор-адресат» и трансформировавшиеся в научные трактаты, программы действий, публицистические произведения, завещания и т. п. (Вспомним в этой связи знаменитые философские письма П. Я. Чаадаева, «Выбранные листы из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя, письма К. Калиновского «из-под виселицы», письмо В. И. Ленина съезду, наконец, «письмо русскому другу» А. К. Кавко и т. п.)

Взять хотя бы письма освобожденного в конце 1905 г. после 20-летнего пребывания в Шлиссельбургской крепости Германа Лопатина, этой, по оценке небезызвестного Льва Тихомирова, «благороднейшей личности, даже для революции не делавшей ничего не честного»¹⁰. Отвечая 21 марта 1906 г. на очередное приглашение к сотрудничеству в только что перенесенном на российскую почву историко-революционном журнале «Былое» одному из его редакторов, небезызвестному «охотнику за провокаторами» В. Л. Бурцеву, Г. А. Лопатин писал: «Вы, вероятно, помните о сборнике моих стихов, которые благодаря датам под ними имел[и] характер Шлюшинского¹¹ дневника. Там был, кроме того, список заключенных с датами, копии с некоторых моих заявлений, мое последнее слово на суде и некоторые ответы суду и пр. Я утверждал из понятий осторожности, будто я сжег (здесь и далее выделено мною. — М. Ш.) все это перед отъездом. Это враки: все сие было припрятано мною в укромном месте, а теперь получено благополучно на руки. И все же у меня не хватает духу приняться за разбор этого материала. Да и времени тоже: ведь это 189-е (!) письмо с 14.12.05 [...] Кроме своих бумаг я получил еще немало чужих [...] Только можно ли теперь печатать письма осужденных узников, как это было можно еще так недавно?»¹²

Но не только соображениями конспирации руководствовались эти люди, многие годы лишённые возможности нормального человеческого общения. Они, как футурологи, заглядывая в будущее, думали еще и о морально-этической стороне, пытаясь представить себе, как будет воспринята их личная переписка потомками. Показательно в этом отношении письмо В. Н. Фигнер, которая, как и Лопатин, 20 лет провела в Шлиссельбургской крепости: «...Герман! Ты должен рвать все мои письма. Одна мысль, что все, что пишешь, сохраняется «для потомства», ужасает меня и лишает красноречия (т. е. искренности)... Вера»¹³.

О необходимости сохранения тайны личной жизни говорит и один из бывших руководителей Исполнительного комитета партии «Народная воля», автор знаменитого письма «Почему я перестал быть революционером» Л. А. Тихомиров, отвечая на предложение В. Л. Бурцева сотрудничать в «Былом»:

«Кстати замечу, что “Былое” очень недозволительно обращается с опубликованием имен. Ведь местами это имеет вид прямо доноса... Ваши авторы забывают, что люди имеют свои права. В исторических журналах нескромные откровения прикрываются по крайней мере звездочками вместо имен. Они, может быть, думают, что это только требования “цензуры”? Но это ошибка. Требуется уважение к чужой тайне, помимо всякой цензуры»¹⁴.

Это по терминологии бывшего революционера XIX в. «уважение к чужой тайне», оформленное в конце XX в. в законодательных актах об архивах (Беларуси, России, Украины) в положение о «тайне личной жизни»¹⁵, более всего имеет отношение к личной переписке в процессе ее изучения и публикации.

Личная переписка интересовала не только исследователей, но и карающие и надзирающие органы, ибо порой только в ней можно было уловить настроения общества, отсутствующие порой даже в документации организаций, основной обязанностью которых и являлось отслеживать общественные веяния.

В этом смысле крайне важным источником представляются материалы перлюстраций, к сожалению пока еще не ставшие объектом пристального внимания исследователей. Благодаря им сохранились многочисленные срезы первичной документации в виде личной переписки, осевшей в соответствующих фондах государственных учреждений. Известный российский историк академик Е. В. Тарле приводит пример с перлюстрацией писем во время войны 1812 г., ссылаясь при этом на документальные свидетельства переехавшего из занятой Наполеоном Москвы в Нижний Новгород помощника директора Московского почтамта Д. П. Рунича. Последний смотрел на перлюстрацию писем как на главную свою обязанность по службе. При этом он сожалел, что нет уже у людей их прежней доверчивости: все пишут о семейных делах и разных личных расчетах¹⁶.

Содержание личных писем широко использовалось (да и ныне используется) и в политической борьбе, когда с их помощью предпринимались попытки дискредитации политических противников. При этом не только игнорировались интересы третьих лиц¹⁷, упоминания о которых встречались в переписке между автором и адресатом, но, наоборот, именно на уничтожительных характеристиках этих лиц строились обвинения. В качестве примера можно сослаться на историю с обнародованием по инициативе И. В. Сталина носившего сугубо частный характер письма Л. Д. Троцкого к Н. С. Чхеидзе (апрель 1913 г.), в котором содержались крайне негативные оценки В. И. Ленина и ленинизма. Письмо в свое время было перехвачено полицией и находилось в фонде Департамента полиции. В 1921 г. при формировании Госархива РСФСР оно было выявлено. По свидетельству автора письма В. И. Ленин

знал о его существовании и достаточно спокойно относился к содержащимся в нем характеристикам на свой счет¹⁸. При жизни В. И. Ленина руководитель Истпарта М. С. Ольминский, несмотря на оказываемое на него давление со стороны И. Сталина, не решался публиковать письмо. Однако уже 19 ноября 1924 г., выступая на пленуме коммунистической фракции ВЦСПС с обличениями Л. Троцкого, И. Сталин цитирует фрагменты письма, содержавшие наиболее негативные оценки В. Ленина. 9 декабря этого же года газета «Правда» полностью публикует письмо; затем его неоднократно перепечатывают во многих пропагандистских сборниках, сталинских сочинениях¹⁹. При этом И. Сталина не смущает то обстоятельство, что в обнародованном им без согласия на то и автора, и адресата затрагиваются интересы третьего лица, в данном случае — В. И. Ленина.

Как известно, архивы Л. Троцкого, включая и его личную переписку, продолжали оставаться объектом самого пристального внимания И. Сталина и в то время, когда их владелец был выслан за пределы СССР. Их содержание И. Сталин рассматривал как мощное оружие в борьбе со своим политическим противником. И именно в целях завладеть этим оружием им предпринимаются неоднократные покушения на Л. Троцкого²⁰.

Оставляя в стороне «политическую составляющую» личной переписки, рассмотрим некоторые аспекты ее содержания в плоскости гарантированного законодательством личной и семейной тайны, тайны частной жизни, с одной стороны, и свободы доступа до информации, включая и ретроспективную, сохраняемую в архивах, с другой. Заметим, что не основные пользователи ретроспективной информацией в лице работающих в читальных залах архивов историков, писателей, литературоведов и др. впервые обратили внимание на недоразумения, порой возникающие в сфере взаимодействия этих двух важнейших составляющих. (Здесь мы имеем в виду содержание четвертого специального выпуска журнала «Новое литературное обозрение» за 2005 г., полностью посвященного архивам и библиотекам, в котором 45 российских, немецких, американских исследователей заявляли о наличии «системного кризиса» в архивах, о том, что «архивы недоступны и вновь закрываются» и т. п.) Это сделали сами же архивисты, указав на излишне широкое толкование понятия «личная и семейная тайна, тайна частной жизни» некоторыми своими коллегами. Речь в данном случае идет о статье ответственного работника Росархива С. Д. Мякушева под характерным названием «Тайны личной жизни: буква закона и археографическая практика»²¹. Причиной ее появления стал подготовленный краснодарскими архивистами и изданный в 1997 г. сборник «Краснодарский край в 1937—1941 гг.: Документы и материалы». В последнем составители, опираясь на букву зако

на, изъяли встречающиеся в документах фамилии репрессированных и заменили их многоточиями. И хотя данный пример не имеет прямого отношения к рассматриваемому нами вопросу, поскольку в этом случае речь шла все же не о документах личного происхождения, а о судебно-следственных материалах, тем не менее он весьма показателен и может быть спроецирован и на ту же личную переписку.

На наш взгляд, и архивисты, которым владельцы личных архивов доверили хранить до поры до времени свои тайны, и археографы, взявшие на себя труд обнародовать на законных основаниях эти тайны, обязаны охранять от преждевременного использования лишь ту документацию, которая носит официальный характер и имеет общепризнанное правовое значение (личные и судебные дела, медицинские карты, налоговые декларации и другие подобные им документы), но отнюдь не любое упоминание лица в данном аспекте в служебной, а тем более в частной переписке. В противном же случае издающиеся сборники документов рискуют превратиться в собрания криптограмм, сводящие к минимуму одну из важнейших функций археографических изданий, а именно — заменить собой необходимость обращения исследователя к оригиналам документов.

С учетом вышесказанного можно, вероятно, говорить не только об ответственности архивистов и археографов за сохранность доверенных им чужих тайн, но и о не меньшей ответственности, прежде всего моральной, прежде всего перед потомками, тех, кто создает эти тайны. О последнем очень точно и ярко говорила М. О. Чудакова, заканчивая свою популярную книгу об архивах: «Быть может, жизненное поведение многих было бы несколько иным, если бы они знали так же ясно, как знают архивисты, что их

письма не улетают по касательной к земной поверхности в бесконечность небытия, а лягут рано или поздно рядом на стол исследователя, что слово, сказанное публично, дойдет до потомков в десятках свидетельств — дневниковых, мемуарных, эпистолярных»²². Лучше не скажешь о моральной ответственности перед потомками, которую берут на себя не только те, кого принято именовать «публичными людьми», имея в виду политиков, ученых, деятелей культуры и т. п., но и рядовые граждане²³.

Разумеется, подготавливая свой личный архив к передаче на вечное хранение, будущий фондообразователь (или его душеприказчик) вправе проводить селекцию входящих в его состав документов. К сожалению, истории известно немало случаев, когда в результате подобных «автоэкспертиз ценности» гибли уникальные документы и в первую очередь эпистолярного характера²⁴. Но здесь архивист, равно как и исследователь и археограф, не может ничего сделать, дабы воспрепятствовать подобным действиям. Ситуация ме-

няется коренным образом, когда личный архив, пройдя «автоэкспертизу ценности» и получив статус личного архивного фонда в конкретном архивохранилище, обретает состояние покоя. И здесь перед вышеназванными тремя категориями лиц неизбежно возникает дилемма: как, не нарушая прав фондообразователя (или его наследников), обеспечить гласность заключенной в документах личного архивного фонда информации. Если встать на позиции расширительного толкования понятия «тайна личной и семейной жизни» (а тенденции к этому имеют место среди современных архивистов), то почти в любом письме личного характера можно найти эту самую «тайну». Здесь не надо далеко ходить за примерами подобного рода. В изданной в 2005 г. переписке белорусского историка и археографа М. В. Довнар-Запольского с представителями науки Украины в числе прочих помещено письмо профессора Киевского университета П. В. Голубовского от 9 декабря 1900 г., в котором говорится буквально следующее: «Петр Владимирович Владимиров в психиатрической лечебнице Киршуны, так как у него стали проявляться симптомы иногда буйного помешательства... Болезнь у них наследственная, родовая»²⁵. Речь в данном случае идет об одном из основателей белорусоведения, авторе монографии о Франциске Скорине, точная дата смерти которого, кстати сказать, не установлена²⁶. В письме профессора этого же университета А. М. Лободы к Довнар-Запольскому от 31 декабря 1896 г., сообщающем о дипломном сочинении студента университета, в будущем известного историка, академика Е. В. Тарле, читаем: «Лучше всех прошел Тарле, писавший о каком-[то], черт его знает, не то проповеднике, не то... забыл... Это, батенька, не шутка, и можно только жалеть, что Тарле настолько же несимпатичен, насколько даровит»²⁷.

Если оба эти примеры, которые при внимательном рассмотрении могут квалифицироваться как нарушение «тайны личной жизни», тем не менее «защищены» сроком давности, то следующие, о которых пойдет речь, связаны с ныне живущими людьми.

Здесь мы обращаемся к эпистолярному наследию Н. Н. Улащика, 100-летний юбилей которого отмечался в феврале 2006 г. на историческом факультете Белорусского государственного университета²⁸. Человек с очень сложной судьбой, бескомпромиссный не только в науке, но и в жизни, он не скрывал своих отношений к людям, ему несимпатичным, давая порой им весьма нелюбезные характеристики. Незадолго до смерти, будучи уже тяжело больным и признавая, что «зrabіўся сварлівым, скрозь пішу нейкія няпрыемнасці і не магу стрымацца», он сообщает своему адресату, белорусскому литературоведу В. А. Чемерицкому, который помогал ему готовить к изданию белорусско-литовские летописи, о попытках издать подготов-

ленный им историко-этнографический очерк о своей «малой родине» — дер. Вицковщине: «Тузаюся са сваёю вёскаю. З Мінска прапанавалі, каб прыслаў на водзыў у [Інстыту]т гісторыі, гэта значыцца смаркачу Петрыкаву! Нейкі вар'яцкі план напісання гісторыі 25 тысяч населеных пунктаў Беларусі заявіў Марцэлеў»²⁹.

А вот оценки Улащиком изданной в серии «Жизнь замечательных людей» книги О. А. Лойко о Янке Купале, которые он дает в письмах разным адресатам. Из письма белорусскому писателю Михасю Тычине 30 августа 1984 г.: «Можа б Вы напісалі што добрае пра Купалу, бо Лойка падаў пазкудства»³⁰.

Из письма белорусскому историку, краеведу Г. А. Кохановскому в ответ на присылку последним книги об археологии и историческом краеведении Беларуси: «Ваша книга научная... На фоне тех книг, которые выпустили в последние годы Абецдарский, Чепко, Жучкевич, Ваши можно ставить как образцовые. Особенно возмутила меня книга Лойко, который нашел возможным исследовать — чья в действительности была дочь Ластаускене. И такую дрянь напечатали тиражом в 170 тыс. экз.»³¹.

Нет слов, читать такие оценки упоминаемым в письмах Н. Улащика «третьим лицам» крайне неприятно, но здесь, как говорится, «слова из песни не выкинешь». И на наш взгляд, готовившие к изданию эпистолярию Н. Н. Улащика составители поступили правильно, поместив конкретные фамилии, а не многоточия вместо них. Дело будущих исследователей разобраться в том, насколько был пристрастным (или, наоборот, беспристрастным) автор писем в части даваемых им оценок.

В заключение отметим, что личная переписка представляет собой уникальный исторический источник, информационный потенциал которого в должной мере еще не оценен исследователями. В отличие от личных дневников, в большинстве своем не предназначенных для обнародования, личные письма уже при своем создании нацелены на публичность (неважно, что эта публичность может быть ограничена одним или несколькими лицами). И таким образом, принимая личные письма на хранение и затем делая их доступными для пользователей, архивисты, историки, археографы лишь расширяют сферу публичности данного исторического источника.

---

¹ Подобного рода примеры, взятые из жизни «деятелей ленинского типа, не разделявших свою жизнь на «служебную», открытую, и «личную», скрытую, потаенную», можно встретить в учебном пособии М. А. Варшавчика «Источниковедение истории КПСС» (М., 1973. С. 287—292). Оставляя в стороне представляющийся сегодня явно маргинальным вывод автора пособия о «кристально чистом облике коммунистов», отметим тем не менее что им были достаточно верно подмечены сложности, которые могут возникнуть у исследователей, пытающихся дифференцировать переписку на частную и служебную.

² На последнее обстоятельство в свое время указывала известный российский литературовед и текстолог М. О. Чудакова в изданной массовым тиражом научно-популярной книге «Беседы об архивах» (М., 1975).

³ Подробнее см.: Иванова О. С. Проблемы и перспективы работы с личными фондами в государственных архивах Республики Беларусь // Архивы и делопроизводство. 2006. №4. С. 89—96; Шостак Г., Горшкова Е. Личные фонды в Белорусском государственном архиве научно-технической документации // Там же. 2001. № 5. С. 100—101; Сверчков В. А. Комплектование Национального архива Республики Беларусь документами участников Великой Отечественной войны // Пра вайну апошнія слова не сказана: па матэрыялах пасяджэнняў «круглых сталоў», прысвечаных распрацоўцы гісторыі Вялікай Айчыннай вайны (май 2004 г., май 1990 г.) Мінск, 2005; Запартыка Г. В. Да гісторыі камплектавання дзяржаўных архіваў Беларусі дакументамі асабістага паходжання // Архіўныя чытанні 1—111: матэрыялы навуковых канферэнцый, Мінск, 2003—2005 гг. Мінск, 2006. Вып. 1. С. 64—68; Шумейко М. Ф. Еще раз о личных архивных фондах // Там же. С. 69—72.

⁴ Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР: указатель: в 3 т. М., 1962—1980. 3 т.; Папакін Г. Фамільні архівы україньскої шляхты: питання камеральноархеаграфічнаго та едичійногo опрацювання наприкінці XVIII — на початку XX ст. // Архіви України 2004. № 1—2.

⁵ Шумейко М. Ф. Еще раз о личных архивных фондах. С. 72.

⁶ Подробнее об этом см.: Цаплин В. В. Конференция историков-архивистов СССР 1—3 июня 1943 г. // Отечественные архивы. 1993. № 5. С. 42—55; Хорхордина Т. И. Архивы и война // Архивознавство. Археографія. Джерелознавство: Міжвiдомчий наук. Зб. Вип 5: Архіви — складова інформаційних ресурсів суспільства. Київ, 2002. С. 85—86; О попытке К. Симонова создать архив военных мемуаров / Публ. А. А. Курносова и Е. Д. Ореховой // Отечественные архивы. 1993. № 1. С. 63—73.

⁷ См.: Банасюкевич В. Д. О правах использования документов личного происхождения в зарубежной архивистике // Вестн. архивиста. 1994. № 3(21). С. 22—23.

⁸ Подробнее об этом см.: Медушевская О. М. Историк и архивист: сферы познания ими прошлого // Междунар. науч. конф. «Историки и архивисты: сотрудничество в сохранении и познании прошлого в интересах настоящего и будущего». 27—28 нояб. 1997 г. Доклады и тезисы научных сообщений. М., 1997. С. 35.

⁹ На это обстоятельство в свое время обратил внимание Л. Троцкий, уличая И. Сталина в фальсификации текста письма по национальному вопросу В. И. Ленина от 5 марта 1923 г. на его имя. Троцкий, в частности, писал: «После той клеветы, которой пытались забросать вопрос об отношениях Ленина ко мне, не могу не указать на подпись первого письма Ленина: «с наилучшим товарищеским приветом». Кто знает ленинскую скупость на слова и ленинскую манеру разговора и письма, тот поймет, что Ленин подписался этими словами не случайно. Недаром Сталин, при вынужденном оглашении этой переписки на июльском Пленуме 1926 года, заменил слова «с наилучшим товарищеским приветом» официальными словами «с коммунистическим приветом». Сталин и здесь оказался верен себе» (Троцкий Л. Сталинская школа фальсификаций: Поправки и дополнения к литературе эпигонов/ Л. Д. Троцкий. М., 1990 (репринтное издание 1932 г.). С. 82—83.

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 75 (В. Л. Бурцев). Оп. 1. Д. 32. Л. 6.

¹¹ «Шлюшином», как известно, политзаключенные именовали превращенную царским самодержавием в политическую тюрьму Шлиссельбургскую крепость.

¹² Государственный литературный музей (далее ГЛМ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 530.

¹³ ГАРФ. Ф. 9104 (Г. А. Лопатин). Оп. 1. Д. 14. Л. 20 об.

¹⁴ РГАЛИ. Ф. 75. Оп. 1. Д. 32. Л. 3.

¹⁵ Именно это положение и стало камнем преткновения в дискуссиях относительно доступа к архивным документам, ведущихся между современными российскими историками, литературоведами, другими пользователями архивной информации, с одной стороны, и хранителями последней, с другой. (См.: Институты нашей памяти: Архивы и библиотеки в современной России // Новое литературное обозрение. Специальный выпуск. 2005. № 4 (74). 656 с.)

¹⁶ См.: Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. М., 1938. С. 191—192.

¹⁷ На данное обстоятельство применительно к практике использования личной переписки, сохраняющейся в фондах РГАЛИ, обращала внимание директор последнего Н. Б. Волкова, выступая на научно-практической конференции «Личные фонды и коллекции документов как источник сохранения национальной памяти России» (Москва, 12—13 апреля 1994 г.). Она, в частности, говорила: «...в письмах могут быть самые уничтожительные характеристики в адрес третьих лиц, попадания которых в печать или другие органы информации могут послужить причиной судебного обвинения в нанесении морального ущерба. Поэтому здесь необходима крайняя осторожность в выдаче их исследователям и особенно копированию» (Вестн. архивиста. 1994. № 3(21). С. 76).

¹⁸ Сам Л. Троцкий расценивал это письмо как плод эмигрантских дрызг, при необходимости извлеченный из мусорной кучи (см.: Троцкий Л. Сталинская школа фальсификаций. С. 20).

¹⁹ См.: Сталин И. В. Сочинения. Т. 9. С. 172—173.

²⁰ Так, после похищения 7 ноября 1936 г. хранившегося в парижском отделении Международного института социальной истории архива Л. Троцкого газета «Последние новости» писала: «Похитителей, конечно, больше всего интересовала личная переписка Троцкого, которой они не нашли, так как эта часть архива еще не доставлена. Можно себе представить, какую ценность этот материал представил бы для Москвы в связи с предстоящим вторым процессом троцкистов. Располагая таким материалом, ГПУ могло бы состряпать обвинительный акт, который производил бы впечатление достоверности». Сам Л. Троцкий после очередного на него покушения 24 мая 1940 г. писал: «Участники покушения преследовали таким образом не только убийство, но и поджог. Единственной целью их могло быть при этом уничтожение моих архивов. В этом заинтересован только Сталин, так как архивы имеют для меня исключительную ценность в борьбе против московской олигархии» (Цит. по кн.: Троцкий Л. Д. Дневники и письма. М., 1994. С. 205, 183).

²¹ Отечественные архивы. 1998. № 5. С. 121—124.

²² Чудакова М. О. Беседы об архивах. М., 1975. С. 218.

²³ В опубликованной в 2005 г. в «Новом литературном обозрении» статье М. О. Чудакова рассказывает, какую негативную реакцию со стороны известного литературоведа и мастера художественного слова Ираклия Андроникова вызвал ее пассаж относительно моральной ответственности человека за сказанные им слова. Причиной такой реакции, как оказалось, была сервильная позиция И. Андроникова в отношении Бориса Пастернака. Андроников выступал на писательском собрании за исключение Пастернака в связи с присуждением ему Нобелевской премии из Союза писателей СССР. (Подробнее об этом см.: Чудакова М. О. В защиту двойных стандартов // Новое литературное обозрение. 2005. № 4 (74).

²⁴ Здесь в качестве примера можно указать на уничтожение собственного архива сестрой великого русского поэта А. С. Пушкина — О. С. Павлищевой, действовавшей, как она это объясняла, в соответствии с требованием явившейся к ней «тени» поэта. Брат екатерининского фаворита В. Г. Орлов уничтожил в начале XIX в. переписку со своими четырьмя братьями. (Подробнее об этом см.: Маяковский И. Л. Очерки по истории архивного дела в СССР (Опыт систематического руководства) Ч. 1: История архивного дела в СССР до Октябрьской социалистической революции. М., 1941. С. 326.)

²⁵ Перапіска М. В. Доўнар-Запольскага з дзесячмі навукі Украіны (1893—1908 гг.) Гомель, 2005. С. 46.

²⁶ См.: Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. Т. 6. Кн. 1. Мінск, 2001. С. 577.

²⁷ Перапіска М. В. Доўнар-Запольскага. С. 82.

²⁸ См.: Шумейко М. Ф. Источниковедение, археография, архивоведение в XX—XXI вв. в Беларуси: К 100-летию со дня рождения Н. Н. Улащика // Отечественные архивы. 2006. № 3. С. 117—118.

²⁹ Улашчык М. Выбранае. Мінск, 2001. С. 519.

³⁰ Беларускі гістарычны агляд. Т. 3. Сш. 1 (травень 1996). С. 92.

³¹ Русь — Литва — Беларусь: Проблемы национального самосознания в историографии и культурологии: По материалам междунар. науч. конф., посвященной 90-летию со дня рождения Н. Н. Улащика (Москва, 31 января 1996 г.). М., 1997. С. 281.